

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-21-27

Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

ТАТАРИНОВ Константин Анатольевич,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса, Байкальский государственный университет,

e-mail: tatarinov723@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Международный порядок — это санкционированная форма мирного сосуществования наций, связанных государством, в котором соблюдаются принципы самоопределения, суверенитета и нерушимости территориальных границ. На страже государства стоят вооруженные силы, дипломатические службы и международные организации. Одной из угроз государственной безопасности являются общественные движения с экстремистскими характеристиками. Материальный ущерб, причиненный таким движениями, может прямо воздействовать на решения правительства и косвенно — на социальные изменения. С одной стороны, происходит передача нишевых политических идей, а с другой — идет «информирование» о социальных проблемах (бедность, ухудшение условий труда, загрязнение окружающей среды и т. д.). В статье акцентируется внимание на процессе радикализации с петлями обратной связи, где экстремистские идеи либо усиливаются, либо приуменьшаются. Особенно опасным представляется постепенное втягивание человека в преступное онлайн-сообщество, так как у него формируются обширные социальные связи. В заключение обосновываются меры защиты от радикальной идеологии.

Ключевые слова: политический экстремизм, терроризм, идеология, радикализация, неонацизм, социальные сети, политическая система.

TATARINOV Konstantin Anatolyevich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Service, Baikal State University

POLITICAL EXTREMISM AS A MODERN PHENOMENON

Annotation. The international order is a sanctioned form of peaceful coexistence among nations bound by a state that upholds the principles of self-determination, sovereignty, and the inviolability of territorial borders. The state is guarded by armed forces, diplomatic services, and international organizations. One threat to state security is social movements with extremist characteristics. The material damage caused by such movements can directly influence government decisions and indirectly influence social change. On the one hand, niche political ideas are transmitted, while on the other, information about social problems (poverty, deteriorating working conditions, environmental pollution, etc.) is disseminated. The article focuses on the process of radicalization with feedback loops, where extremist ideas are either amplified or diminished. The gradual draw of an individual into an online criminal community is particularly dangerous, as they develop extensive social connections. The conclusion provides a rationale for measures to protect against radical ideology.

Key words: political extremism, terrorism, ideology, radicalization, neo-Nazism, social media, political system.

Введение

Политический экстремизм в современном мире не только развивается и принимает различные формы, но является частью социокультурного ландшафта. Хотя, доминирующие варианты и идеологические закономерности трансформируются, но сама сущность этого явления и регуляторные механизмы остаются неизменными.

Данное политическое явление

метафорически можно представить в виде «молота» и «наковальни». Молот — это черно-белое мировоззрение, которое предлагает рецепты для достижения символического бессмертия. Люди, придерживающихся такого рода взглядов, считают свои убеждения абсолютной истиной и заявляют, что способны четко различать добро и зло. Фашизм и некоторые формы свободного

рыночного капитализма являют собой взгляды типа «молот». Такие взгляды дают ясную и простую основу смысла жизни, собственной ценности и бессмертия, а для тех, кто их поддерживает создается психологическая безопасность и вера в их внутреннюю ценность. Мировоззрение типа «молот» имеют тенденцию укреплять менталитет «мы против чего-то», что разжигает ненависть и межгрупповые конфликты.

Альтернативным мировоззрением является «наковальня», где концепция жизни имеет двусмысленность и признается то, что все взгляды на жизнь должны приниматься с некоторой долей буфера. Сторонники «наковальни» серьезно относятся к своим взглядам и ценностям, но они в тоже время открыты для разных идей и не хотят узурпировать свое право на истину. Они более пластичны и толерантны, и в отличие от антипода, и имеют более сострадательный взгляд на реальность.

Относительно замкнутая когнитивная система взглядов о реальности обеспечивает основу для моделей нетерпимости по отношению к другим. Поэтому политический экстремизм — это одно из самых сложных противоречий, которые могут вдохновлять необузданную ненависть, дикую жестокость и массовые убийства. Вера в буквальное бессмертие выполняет ключевые психологические функции и играет жизненно важную роль в происхождении человеческой жестокости. Мотивы, которые управляют политическим экстремизмом, являются частью устойчивой, значимой, обеспечивающей высокую самооценку и превосходящую смерть, систему убеждений. Опасность его в том, что он создает моральное и идеологическое оправдание для насилия, снимая с него социальные табу.

Политический экстремизм подчиняется функциональности повествования и постоянно трансформируется, потому что психологическая и социальная эффективность данной идеологии зависит от тщательно сконструированной мотивации. Предсказанный исторический процесс, обычно имеющий характер апокалиптической кульминации, перемещает неопределенное далекое будущее в очень близкое настоящее. Это создает ощущение существования в «чрезвычайном положении», где нужно принимать нестандартные действия, обусловленные «масштабом угрозы». Мировоззрение, которое делает этот тип «сжатия истории», создает чувство уникальности и делает роль человека наиболее интересной в этой «космической» драме. Ведь смысл существования никогда не бывает сильнее, чем в уникальный момент времени, когда решаются судьба мира.

Структура коллективных действий

становится стройной, когда члены экстремистского движения устанавливают общее понимание определенного проблемного состояния (кого и в чем следует винить, альтернативный набор действий и побуждение членов действовать сообща). Именно поэтому современные экстремистские движения имеют четкую религиозную составляющую, сосуществующую с догматизмом и с декларативной поддержкой насилия.

Цель статьи — проанализировать развитие политического экстремизма в современном мире и представить пути борьбы с ложными идеологиями.

Методика исследования

В данной статье были проанализированы научные публикации, законы и подзаконные акты, касающиеся распространения экстремизма в США, Европейском Союзе и России. Были использованы: общепсихологические, общенаучные и частнонаучные методы.

Результаты исследования

В моделях политического экстремизма особое внимание уделяется процессу возникновения экстремистско-мистических убеждений и их влиянию на поведение отдельных лиц.

Среди наиболее известных конструкций этого типа — это модель «лестницы к терроризму» Фатхали М. Могхаддама. Он считает, что радикализация проходит поэтапно: от чувства воспринимаемой несправедливости, поиска вариантов действий, смещение агрессии и выбор цели, моральное оправдание и вступление в группу, категоричное мышление «мы против их» и совершение террористического акта. Данная модель позволяет объяснить существенный эмпирический диссонанс или четкий разрыв между длительным воздействием одних и тех же социально-политических факторов на большие группы людей и эффекты этих воздействий. Она описывает психологический процесс, в котором человек, пытаясь справиться с когнитивным диссонансом, отказывается от трудно переносимой двусмысленности в пользу догматической уверенности. Ценность модель Могхаддама в том, что она объединяет политические, социальные и психологические факторы в единую, логичную и визуально понятную систему как человек проходит путь от экономического или социального неравенства, унижения или отсутствия перспектив до совершения террористического акта.

Четырехступенчатая модель радикализации, разработанная американским профессором криминалистики Рэнди Борумом, является классической в понимании того, как обычные люди приходят к оправданию

политического насилия. В отличие от модели Могхаддама, модель Боруна (наблюдение, оценка, атрибуция, обвинение) фокусируется на когнитивном процессе и эволюции идеологических установок индивида. Процесс начинается с состояния разочарования («это неправильно»), затем происходит квалификация ситуации как «несправедливой», далее — кто в этом виноват, и, наконец, присвоение негативного морального качества («вы плохие»). На первый этап («это неправильно») может попасть человек из любой социальной, экономической или образовательной группы, то есть главное — это не изначальная предрасположенность, а прохождение по цепочке когнитивных искажений. Рэнди Боруна показывает, что путь к терроризму связан не столько с ненавистью, а сколько со специфической эволюцией мышления. Жалоба на несправедливость «развивается» и приводит к полному отказу воспринимать противника человеком. Понимание такой логики мышления критически важно для создания эффективных контрнарративов.

Модель политического экстремизма, разработанная американскими психологами Кларком Макколи и Софьей Москаленко, разделяют процесс радикализации на две связанные пирамиды. В первой пирамиде в основании находятся люди с нейтральными взглядами, а на вершине — те, кто полностью поддерживают террористическое насилие как законный метод борьбы. При этом на вершине может быть достаточно много людей, которые могут сочувствовать целям радикалов. Во второй пирамиде в основании законопослушные граждане, не совершающие никаких политических действий, а на вершине — террористы, совершающие акты насилия. Здесь переход от законного недовольства властью к нелегальному поведению, а затем к насилию требует преодоления мощных моральных барьеров. Две пирамиды не являются зеркальным отражением друг друга. Модель двух пирамид критически важна для правоохранительных органов, так как она показывает, что наличие радикальных взглядов не делает человека террористом, и ставит вопрос о предотвращении перехода людей с пирамиды мнений на пирамиду действий [12].

Российские ученые в своих работах освещают различные грани правовой борьбы с политическим экстремизмом.

В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев считают, что исполнители массовых убийств — это политические экстремисты, заинтересованные во внимании общества к себе и винящие во всех своих проблемах других людей [3].

Д. А. Степаненко, М. А. Мушинский констатируют, что категория «экстремизм»

выходит далеко за рамки уголовного права и может носить информационно-правовой аспект, заключающийся в нарушении работы органов власти [9].

С. Н. Алферов исходит из того, что выявление «цифровых следов» с целью установления личности физического лица, опубликовавшего экстремистские материалы, станет очень значимым в сфере противодействия экстремизму [1].

С. М. Кочои рассматривает законодательный пробел о определении «экстремизм», которое нужно разграничить с определением «экстремистская деятельность» [4].

Г. А. Майстренко выделяет латентный экстремизм, который является прямым следствием социальных и культурных противоречий общества [6].

Д. Л. Цыбаков, М. В. Соколов акцентируют внимание на необходимости модернизации системы доктринального обеспечения борьбы с экстремизмом и создании каналов обратной связи государства и гражданского общества [11].

А. Л. Кубасов полагает, что крайнюю опасность для государства и общества несут так называемые «цветные революции», финансируемые международными экстремистскими организациями [5].

А. О. Миронов связывает финансирование экстремистской деятельности с отсутствием международного регулирования рынка криптовалют [7].

В. Н. Найдено уверен в том, что левый политический экстремизм, связанный с ухудшением экономического благосостояния населения, представляет для российского общества наименьшую опасность [8].

А. М. Бажикбаев видит источник экстремизма в утрате веры в наличие возможных ненасильственных инструментов решения существующих общественных проблем, обусловленных резкими переменами одновременно в политике, экономике и праве [2].

Б. А. Тарчоков объясняет, что не следует считать экстремистами всех оппозиционеров. Подавление их деятельности, как правило, создает в обществе радикальные движения, перерастающие в конечном итоге в террористические организации [10].

По мнению автора, фундаментом борьбы с экстремизмом должен стать открытый диалог властных структур с лидерами общественного мнения в социальных сетях, где будет месту компромиссу и выявлению глубинных причин политического насилия.

В анализе феномена экстремизма важным элементом является диагностика его причин

и побуждений. Экстремистские группировки выступают против имеющейся политической системы, а их деятельность характеризуется бескомпромиссностью. Феномен экстремизма не является элементом конкретной идеологии, а носит универсальный характер. Общей чертой, характеризующей экстремизм, в целом является насилие, ставшее недемократическим средством достижения политических целей. Экстремизм напрямую связан с терроризмом, и общим элементом является насилие как незаконное средство действия, используемое в политических целях. Терроризм также можно рассматривать как метод экстремального насилия. Если экстремисты используют насилие для изменения политической системы, то террористы применяют насилие для пропагандистских целей и из-за страха. Политический экстремизм стремится к полной смене политической системы на другую и отвергает ее модификацию.

Ультраправый экстремизм объединяет многие политические течения и доктрины, в основном относящиеся к национализму и расизму. Современный расизм формировался с XIX века. В его теории высшие расы развиваются быстрее, чем низшие. Особое внимание эта теория обращает на важность «чистоты расы», где запрещается «скрещивание». Отдельные расы классифицируются по физическим, психическим и умственным характеристикам. Наиболее развитой и обладающей чертами вождя была арийская белая раса, представителем которой должен был стать немецкий народ. Статус конкретного человека зависит от расы, к которой он принадлежит. Равенство и идентичные права возможны только в пределах одной и той же расы. Многорасовое общество должно быть организовано иерархически с использованием критерия расовой принадлежности. Правовая система должна охранять принцип расовой сегрегации и дискриминировать часть общества. Исторический нацизм был основан на признании расизма и тоталитарного государства. Основой сильного государства и народа должен был стать сильный вождь, действующий насильственными методами. Современный неонацизм сочетает расизмом и теорию социального дарвинизма. Фашизм, рассматриваемый как политическая доктрина государства, возник в Италии еще до появления нацистской доктрины в Германии. Он отрицает демократию и парламентаризм. В неофашизме присутствует отмена гражданских прав для определенных групп меньшинств (национальных, этнических и социально неблагополучных групп населения) и введение монополии одной партии [14].

Предотвращение политического экстремизма на ранней стадии является самым

простым способом предотвращения того, чтобы люди преследовали насильственные цели. Должны быть разработаны цифровые платформы, которые способны идентифицировать людей, уже работающих на ранних стадиях насилия, и приспособлены для перенаправления людей уже на более поздних стадиях.

Социальные сети предлагают потенциальным экстремистам возможность развивать социальные связи и находить подтверждение у других, обеспечивая таким образом важнейший элемент социального взаимодействия при относительно низких затратах. Экстремистские веб-сайты и YouTube, помогают передавать идеи, но персонализация Интернета может сделать экстремистскую пропаганду интерактивной.

Существуют различные способы, с помощью которых люди могут проходить этапы радикализации. Те, кто их пропускает, скорее всего, быстро радикализируются, а также тратят меньше времени на планирование насильственных действий. Напротив, люди, которые продвигаются медленнее, могут использовать дополнительное время для разработки более изощренной атаки. Человек, который проходит более длительный процесс радикализации, развивает более обширные социальные связи, которые он использует для получения знаний.

В основе политического экстремизма лежит идеологическая доктрина. Большинство лиц, участвующих в «бунтующих» ячейках сначала вводятся в свою социальную сеть другими людьми. Те, кто привлекает до десяти участников, несут ответственность за подключение относительно небольшого процента участников. Несмотря на большие различия в структуре и функционировании экстремистских групп, вербовка — это естественный социальный процесс, когда люди органично создают сеть, и это не компетенция специальных лиц, которым это иерархически поручено.

У каждого члена группы есть потенциал для распространения идеологии в корыстных целях, но акцент ставится на идеологических мотивах. Переход к высокорискованному экстремизму представляет собой циклический процесс, в котором укрепляется идеологическая идентичность и увеличивается вероятность совершения террористических актов. Этот процесс либо ускоряется, либо тормозится, в зависимости от альтернативных приоритетов, таких как семья и работа.

Радикализация имеет повторяющийся характер, с петлями обратной связи, где экстремистские идеи либо усиливаются, либо приуменьшаются. В исключительных

случаях, люди пропускают этапы осознания и сразу переходят к реализации. В этом случае человек понимает радикальную идеологию поверхностно и связывает со своей субкультурой. Человек может перейти от осознанности к заинтересованности, а затем совершить террористический акт, не проходя стадию принятия. Социальное взаимодействие не играет значимой роли на стадии осознания, когда люди впервые узнают о радикальной идеологии. Осведомленность может быть получена через средства массовой информации. Некоторые люди могут активно искать радикальный контент, но большинство сталкиваются с ним случайно. Сама осведомленность плохо предсказывает поведение и очень немногие люди меняют поведение только на основе новой информации. Поведение других людей в социальной сети человека гораздо лучше предсказывает изменение его поведения. Влияние социальных отношений может быть решающими по мере того, как люди продолжают двигаться по пути радикальной активности. Поэтому социальное взаимодействие способствует более быстрому или легкому переходу к более поздним этапам экстремизма. Те, кто руководствуется местью или жадностью острых ощущений не заботятся о мнении окружающих. Напротив, те, кого интересует статус, находятся под глубоким влиянием личных отношений и социальных связей. Статус — это социальная характеристика и зависит она от улучшения имиджа человека в глазах окружающих. В то время как те, кто заинтересован в мести, проходят стадию интереса с минимальным социальным взаимодействием. Люди, принятые в экстремистские команды, очень быстро начинают сочувствовать членам своей группы и проявлять враждебность к внешним членам. Чувство отвращения становится решающим в психологическом санкционировании насилия и глубоко связано с внутригрупповой и внегрупповой динамикой. Тенденция смотреть на членов аутгруппы с отвращением существенно облегчает совершение насилия в отношении них.

Социальные отношения могут играть и выполняют различные функции на стадии насилия. Во-первых, это возможности, которые недоступны в противном случае. Группы людей часто лучше справляются со сложными задачами, так как способны одновременно выполнять параллельные действия. Во-вторых, присутствует негативное подкрепление в виде давления со стороны сверстников или духа товарищества. В-третьих, наиболее «плодотворными» кандидатами, становятся те, кто восприимчив к идеологической обработке посредством процесса социализации. В-четвертых, нелинейная траектория формирования

отношений и различные социальные эффекты на разных этапах имеют способствовать нарушению процесса радикализации.

Существует разница между чьим-то первоначальным убеждением и вторичным. Завербовать человека, который полностью принимает радикальную доктрину, относительно легко и напротив, глубоко религиозный человек, отвергающий путь насилия, представляют собой неразрешимую на практике проблему.

Анализируя социальную историю отдельных людей, можно выделить примерно двадцать пять процентов нападений так называемых «волков-одиночек». Такие преступники пытаются наладить социальные связи и обратиться за помощью и одобрением. При этом психическая неустойчивость или отчуждение играют ключевую роль в эскалации насилия. История психологических проблем у этих людей показывает, что радикальная идеология была для них очень актуальной и социальные связи сыграли центральную роль в принятии экстремистских убеждений [13].

Заключение

В заключение следует отметить, что люди начинают принимать радикальные убеждения, при условии наличия достаточных социальных связей для поддержания вовлеченности. Нелинейная зависимость между социальными связями и идеологической близостью бросает вызов общепринятым представлениям об идеологической предрасположенности. То есть люди, у которых есть биографические или персоналогические предрасположенности, не обязательно становятся политическими экстремистами. На сегодняшний день имеется мало свидетельств о экстремистах-одиночках, так как лишь отдельные личности переходят к насильственным действиям в изоляции, и часто это проблемы с психическим здоровьем или семейные политические претензии. Роль корыстного экстремизма также не получила должного подтверждения, так как вербовщики получают только социальный статус за свои усилия. Поэтому рост экстремистских организаций является самоорганизующимся и в них много участников с высокой степенью близости по мировоззрению.

Противодействие идеологиям насилия и победа в информационной войне — это важнейший элемент в борьбе с экстремизмом. Однако, если, фальсифицировать идею, лежащую в основе экстремистского течения, то идеология не станет ненужной. Важно постоянно и подробно изучать радикальные идеологии, которые представляют угрозу. Понимание радикальной доктрины является исходной точкой в понимании того, как и почему идеологии

находят отклик и, в конечном счете, социально мобилизуют индивидов. Более важным, чем сами идеи, является способ, с помощью которого люди перепрограммируют себя.

Онлайн-взаимодействие через социальные сети является важнейшим катализатором для принятия норм в том, как люди проходят стадии радикализации. Первая линия защиты — это родительский и общественный контроль за этой противоправной деятельностью. Вторая — это разоблачение мифов экстремистских идеологий и продвижение демократических ценностей. Третья — формирование гражданской идентичности и уважения к конституционным ценностям. Четвертая — это уголовная ответственность за публичные призывы к политическому экстремизму и финансирование экстремистской деятельности.

Список литературы:

- [1] Алферов, С. Н. Практические механизмы реализации мер по борьбе с экстремизмом / С. Н. Алферов // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 1(95). – С. 158-166. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).158-166.
- [2] Бажикбаев, А. М. Научные воззрения о детерминирующих факторах политического экстремизма / А. М. Бажикбаев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 124-126. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_124.
- [3] Кириленко, В. П. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 612-628. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628.
- [4] Кочои, С. М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / С. М. Кочои // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 240-247. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.
- [5] Кубасов, А. Л. Экстремизм как средство политической борьбы в современном мире / А. Л. Кубасов // Ius Publicum et Privatum. – 2018. – № 2(2). – С. 27-29.
- [6] Майстренко, Г. А. Противодействие политическому экстремизму: современные тенденции / Г. А. Майстренко // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 1А. – С. 16-23. – DOI 10.34670/AR.2021.48.65.003.
- [7] Миронов, А. О. Роль криптовалют в совершении преступлений террористической и экстремистской направленности в современных условиях / А. О. Миронов // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 1691-1700. – DOI

10.17150/2411-6262.2023.14(4).1691-1700.

- [8] Найденко, В. Н. Разновидности экстремизма и их влияние на социально-политическую жизнь России / В. Н. Найденко // Россия реформирующаяся. – 2020. – № 18. – С. 225-244. – DOI 10.19181/ezheg.2020.10.

- [9] Степаненко, Д. А. Эффективность противодействия экстремизму / Д. А. Степаненко, М. А. Мушинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 803-815. – DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815.

- [10] Тарчоков, Б. А. К вопросу о противодействии различным проявлениям политического экстремизма в Российской Федерации / Б. А. Тарчоков // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 151-156.

- [11] Цыбаков, Д. Л. Приоритеты взаимодействия гражданского общества и государства в борьбе с политическим экстремизмом в современной России / Д. Л. Цыбаков, М. В. Соколов // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 29-38. – DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-29-38.

- [12] Bolechów, Bartosz. Ekstremizm polityczny w perspektywie teorii opanowywania trwogi / Bartosz Bolechów. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2025. – 154 s. – (Acta Universitatis Wratislaviensis ; No 4379). – ISBN 978-83-68619-32-4. – ISSN 3071-6748. – Текст : электронный.

- [13] Helfstein, Scott. Edges of Radicalization : Individuals, Networks and Ideas in Violent Extremism / Scott Helfstein. – West Point : Combatting Terrorism Center at West Point, 2012. – 71 p. – Текст : электронный. – URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep05592> (дата обращения: 12.06.2026).

- [14] Hołub, Adam. Ekstremizm i radykalizm jako środowiska rozwoju terroryzmu / Adam Hołub. – Текст : электронный // Studia Politicae Universitatis Silesiensis. – 2016. – Т. 17. – С. 24-38. – ISSN 2353-9747.

References:

- [1] Alferov, S. N. Practical mechanisms for implementing measures to combat extremism / S. N. Alferov // Academic Law Journal. - 2024. - Vol. 25, No. 1 (95). - Pp. 158-166. - DOI 10.17150 / 1819-0928.2024.25 (1). 158-166.
- [2] Bazhikbaev, A. M. Scientific views on the determining factors of political extremism / A. M. Bazhikbaev // Agrarian and land law. - 2023. - No. 7 (223). - Pp. 124-126. - DOI 10.47643 / 1815-1329_2023_7_124.
- [3] Kirilenko, V. P. Extremists: Criminals and Victims of Radical Violence / V. P. Kirilenko, G. V. Alekseev // All-Russian Criminological Journal.

- 2019. - Vol. 13, No. 4. - Pp. 612-628. - DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628.

[4] Kochoi, S. M. On the Quality of Criminal-Law Regulation of Responsibility for Extremism and Ideological Extremism / S. M. Kochoi // All-Russian Criminological Journal. - 2022. - Vol. 16, No. 2. - Pp. 240-247. - DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.

[5] Kubasov, A. L. Extremism as a Means of Political Struggle in the Modern World / A. L. Kubasov // Ius Publicum et Privatum. - 2018. - No. 2(2). - Pp. 27-29.

[6] Maistrenko, G. A. Counteracting Political Extremism: Modern Trends / G. A. Maistrenko // Theories and Problems of Political Research. - 2021. - Vol. 10, No. 1A. - Pp. 16-23. - DOI 10.34670/AR.2021.48.65.003.

[7] Mironov, A. O. The Role of Cryptocurrencies in the Commission of Terrorist and Extremist Crimes in Modern Conditions / A. O. Mironov // Baikal Research Journal. - 2023. - Vol. 14, No. 4. - Pp. 1691-1700. - DOI 10.17150/2411-6262.2023.14(4).1691-1700.

[8] Naidenko, V. N. Types of Extremism and Their Impact on the Socio-Political Life of Russia / V. N. Naidenko // Reforming Russia. - 2020. - No. 18. - Pp. 225-244. - DOI 10.19181/ezheg.2020.10.

[9] Stepanenko, D. A. Effectiveness of Counteracting Extremism / D. A. Stepanenko, M. A. Mushinsky // All-Russian Criminological Journal. - 2019. - Vol. 13, No. 5. - P. 803-815. - DOI

10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815.

[10] Tarchokov, B. A. On the Issue of Counteracting Various Manifestations of Political Extremism in the Russian Federation / B. A. Tarchokov // Gaps in Russian Legislation. - 2023. - Vol. 16, No. 4. - P. 151-156.

[11] Tsybakov, D. L. Priorities of Interaction between Civil Society and the State in the Fight against Political Extremism in Modern Russia / D. L. Tsybakov, M. V. Sokolov // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. - 2021. - Vol. 21, No. 1. - Pp. 29-38. - DOI 10.22394/1682-2358-2021-1-29-38.

[12] Bolechów, Bartosz. Political Extremism from the Perspective of the Theory of Politics' Opanowywania / Bartosz Bolechów. - Wrocław: Wydawnictwo University of Wrocław, 2025. - 154 s. - (Acta Universitatis Wratislaviensis ; No 4379). - ISBN 978-83-68619-32-4. - ISSN 3071-6748. - Text : electronic.

[13] Helfstein, Scott. Edges of Radicalization : Individuals, Networks and Ideas in Violent Extremism / Scott Helfstein. - West Point : Combatting Terrorism Center at West Point, 2012. - 71 p. - Text : electronic. - URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep05592> (date accessed: 12.06.2026).

[14] Hołub, Adam. Ekstremizm i radykalizm jako środowiska rozwoju terroryzmu / Adam Hołub. - Text: electronic // Studia Politicae Universitatis Silesiensis. - 2016. - T. 17. - S. 24-38. - ISSN 2353-9747.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru